

Земной маришрут космической эволюции

Продолжение. Начало на стр. 1

о «Сокровище Ангелов», – черно-синий, с изумрудно-сапфировыми блестками; одна грань смутно светится изображением распятия. Около, на страже, – ангел с опущенными темными крыльями. Правой рукой он держит копье, левой – длинный щит. Рядом дерево с узорными ветвями, и на них – вешие сирини. Сзади – все выше и выше, в облаках, у зубчатых стен райского кремля, стоят другие ангелы, целые полки небесных сил. Недвижные, молчаливые, безликие, с копьями и длинными щитами в руках, они стоят и стерегут сокровище»³.

Через какое-то время этот мифический камень вновь возникнет в его гималайском цикле. У камня окажутся загадочные связи, и легенда о нем зазвучит странными мотивами. Таинственный Грааль средневековой Европы, Артуровы рыцари Круглого стола, вагнеровский «Парсифаль». К опере «Парсифаль» у Рериха было какое-то личностное отношение. Один из его современников вспоминает: «... мне пришлось видеть его (Рериха. – Л.Ш.) с группой друзей на «Парсифале», и мне показалось, что обычно спокойный художник казался несколько взволнованным»⁴.

Потом появится «Легенда о Камне». Ее соберет и опубликует Елена Ивановна Рерих, как всегда, под псевдонимом.

На картине «Владыки нездешние» мы видим своды высокого собора, чем-то похожие и непохожие на известные нам. В росписи стен какая-то неопределенность, незавершенность. На узорах полу стоят двенадцать человек. На них длинные черные одеяния. Перед тем как написать это полотно, Николай Константинович сделал эскиз. У каменной стены стоят двое, на них те же свободные темные одеяния. Но персонажи прорисованы более четко, более определенно. В руках одного из них посох. Кажется, что они приготовились выйти, но что-то задержало их у двери. На лицах раздумье, чуть смешанное с печалью. Они как будто слушают Время. Сейчас оно прозвенит сроком и странствием. Тяжелая ковровая дверь захлопнется за ними, и нездешнее станет здешним...

Давно по Руси ходило сказание о чудесной книге, прочтя которую все можно узнать. Книга никому не открывалась и открылась лишь царю Давиду Евсеевичу. И все, что было написано в ней, объявилось ему. Любопытнейший князь Владимир пошел к Давиду Евсеевичу и попросил:

Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божии,
Про наше житие святу-русское,
Про наше житие свету-вольное!
Отчего у нас начался белый, вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад-светел месяц?
Отчего у нас звезды чистые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас зори утренни?
Отчего у нас ветры буйные?
Отчего у нас дроблен дождик?
Отчего у нас ум-разум?
Отчего наши помыслы?
Отчего у нас мир-народ?
Отчего кости крепкие?
Отчего телеса наши?
Отчего кровь-руда наша? ⁵

Как видим, князь Владимир задает целый ряд сложных научных вопросов, дать ответ на которые царь Давид Евсеевич уклонился. Но, так или иначе, вероятно, все это содержалось в книге, которая в древности называлась «Глубинная», а затем почему-то стала «Голубиной». Четыре короля с лицами мудрецов склонились над книгой. На королях одежде, расшитые неизвестными знаками. За двинутым городом, в котором собрался король, видятся горы...

Метаисторический процесс «помимо историков» действовал в полном согласии с космической эволюцией и творил свои образы через духовное поле великого художника. Время и пространство этих образов были другими, и они обретали в земной плотной материи таинственные качества. Прошлое, настоящее и будущее в них было единым целым. И это, в свою очередь, придавало метаисторическому процессу пророческий характер, так четко отразившийся в творчестве Рериха.

Перед Первой мировой войной Николай Константинович написал целую серию загадочных картин, понять которые удалось только тогда, когда предвещаемое в них событие уже стало реальностью. Картины были написаны между 1911 и 1914 годами.

На пространстве, занимающем почти все полотно, идет «Небесный бой». Ветер гонит по небу темные грозные тучи, которые сталкиваются с оранжево-красными облаками. Схлестываясь, тучи и облака превращаются в фантастические фигуры сражающихся и гибнущих воинов.

В багровых отвесах и дыме пожаров во все небо неумолимо и неотвратимо встал «Ангел Последний». Языки пламени поглощают стены городов, башни и соборы. Взгляд ангела суров и безжалостен. И еще картина, и опять ангел. Он неслышно подходит к воротам города. В руке пришедшего «Меч мущества». Но город спит.

Корабль со спущенными парусами приближается к неприступной крепостной стене. Его печальные мачты напоминают кладбищенские кресты, во всем его облике затаилось что-то тревожное, нехорошее. На желтеющем рассветном небе надвигаются черно-лиловые тучи – «Вестник».

Зареве пожара охватило все небо. Пламя трещит в окнах темной громады замка. Повержен геральдический лев – «Зарево».

Аспидно-черное небо. Пустое и оглушающее. Дым поднимается от развалин, беспорядочной грудой уходящих к зловещему, утратившему свою реальность горизонту. Горизонт искривлен, так он виден только с большой высоты. На холме стоит группа в девять человек. На них старинные платья, на лицах горе и глубокое потрясение – «Дела человеческие».

Особое внимание привлекла картина «Короны». Три короля стоят на земле. Над ними в небе возникают три облачные короны, улетающие куда-то вдаль. Смысл картины станет ясным несколько лет спустя, когда революция сметет три монархии: Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов.

Леонид Андреев, один из крупных писателей России, художественное творчество Рериха образно назвал «Державой Рериха». «Да, он существует, этот прекрасный мир, – писал

Андреев, – эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действительно существует не менее чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные.

Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война – там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладья... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по смертному позаиводать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит – видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своем, вечно стремясь небесное сблизить с земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой – Рерих не слуга земли – он весь во прошлом, ни в настоящем – он весь в своем мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому «Пер Гюнту», – даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт – Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля – и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам».

Очерк завершается, не ошибусь, если скажу, – пророческими словами: «...не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства»⁶.

Протитированный уникальный фрагмент относится к первой Державе Рериха. Другую он сотворил позже, уже на иной, далекой земле. Но обе эти державы тесно соприкоснулись друг с другом, ибо первая в действительности была изначальной основой второй. Русский писатель, проникнув в глубь рериховского творчества и коснувшись внутреннего мира художника и ученого, открыл важнейшую особенность этого творчества, составившую главную мировоззренческую основу всех областей знаний, какими бы Рерих ни занимался. Отбрасывая эту основу, – которую можно назвать «нездешностью» или «нобытием», – а это происходило и происходит до сих пор, – нельзя постичь уникальность и духовную глубину одного из великих людей XX века, основателя нового космического мышления.

Именно в этот период, когда ему самому еще многое не было известно, его захватила Индия, ее культура, ее история, ее искусство. Можно сказать, что в этом ничего особенного не было. В начале XX века многих из творческих деятелей и интересовавшихся культурой привлекала Индия. У Рериха тоже был свой интерес к Индии. Его привлекала проблема общего исторического источника славянских и индийских народов. Этот интерес был в пространстве земного исторического процесса. Но чем бы Рерих ни интересовался, особенно в области истории, во всем звучала метаисторическая нота, которая как бы шла из его внутреннего духовного мира. Но то, что притягивало его к Индии интуитивно, было связано с ее особенностями. В этой стране, в отличие от многих других, культуру и историю освещал метаисторический процесс, который продолжал жить здесь, и в нем заключалась особенность и уникальность Индии.

Именно этот процесс обуславливал в этой стране то, что европейцам казалось таинственным, малообъяснимым, а подчас просто чудесным. Время в Индии обладало своими особенностями. Бесследно исчезли с лица нашей планеты древние египтяне, шумеры, толтеки... И лишь мертвые реликвии в сухой и выжженной земле напоминают о них. В Индии же память обо всех, кто когда-то прошел по ее древним дорогам, бьетса горячей кровью в тех, кто живет теперь. Древнейшая культура Мохенджо-Даро и Хараппы, захороненная в покрытых скудной растительностью холмах долины Инда, продолжается в душах и обычаях тех, кто населяет современные города Индии. Ранняя зоря каменного века австралийских племен еще горит в фольклоре и танцах Южной Индии.

Безупречно действовавший в течение веков и тысячелетий механизм культурной преемственности сформировал в «великом ритме» индийский культурный феномен. В этом феномене есть один важный момент, без которого нельзя понять ни самой страны, ни ее духовной традиции. Индия, как и любая другая страна, подвергалась нашествиям, вторжениям и даже завоеваниям. Но в отличие от других стран она довольно быстро ассимилировала культуру пришельцев, превращая ее в органическую часть уже сложившегося своего культурного комплекса. Эта загадочная способность не объяснена и не изучена. Джавахарлал Неру утверждал, что Индия на заре истории была уже «зрелой во многих отношениях»⁷. Это – «зрелая во многих отношениях» – проливает какой-то свет на такую способность, хотя и не объясняет самого феномена. В течение веков и тысячелетий Индия ассимилировала иранцев, тюрков и евреев. «...В прошлом, – писал Дж. Неру, – господствующей чертой развития индийской культуры и даже народностей было некое внутреннее тяготение к синтезу, вытекающее в основном из индийского философского мировоззрения. Каждое новое вторжение иноземных элементов было вызовом той культуре, но ему успешно противостоял новый синтез и процесс поглощения. Это был также процесс омоложения, на почве которого выросли новые цветы культуры, хотя основа осталась, в общем, без изменений»⁸.

Неру связывал «тяготение к синтезу» с индийским философским мировоззрением. Возможно, в какой-то мере он прав, придавая философскому мировоззрению такое значение. Оно, без сомнения, составляло суть многовековой духовной традиции Индии, формировавшейся в русле ее культурной непрерывности. Сама духовная традиция, складываю-

щаяся, казалось бы, из самых разных компонентов, таких как философия и народные верования, различные религиозные системы и фольклор, а также многое другое, тем не менее представляет собой нечто целостно синтетическое, обладающее особенностями, лежащими «поверх» (по выражению Рериха) этого целостного явления. Эти особенности «поверх» дают нам возможность увидеть существенные «непреходящие» моменты самого явления и понять то, что Неру назвал «философским мировоззрением», а один из крупнейших индологов мира Макс Мюллер – «коррективами». «И если бы, – писал последний, – сам задал себе вопрос, из какой литературы мы, европейцы, воспитанные почти исключительно на идеях греков и римлян, а также одной из семитических рас – евреев, можем почерпнуть те коррективы, которые наиболее желательны, чтобы сделать внутренний мир человека более совершенным, более обширным, более объемлющим и, в сущности, более человеческим, обращенным не только к этой жизни, но и к жизни вечной, – я опять-таки указал бы на Индию»⁹.

Различные философские системы Индии возникали на многовековом древе духовной традиции, подобно свежим побегам, питавшимся теми же корнями, которые взрастили их предшественников. Старое не отрицалось, не отсекалось, а как бы канонизировалось в новом своей лучшей частью, в первую очередь той, которая была способна к развитию, дальнейшему движению и трансформации. В результате, например, в трудах ведантисов мы находим продуманный анализ других философских систем, таких как чарвака, буддизм, джайнизм, санхья, йога, миманса, ньяя, вайшешика. В основе этого исторического механизма лежала концепция диалектического единства прошлого, настоящего и будущего. Эта концепция и формировала индийскую духовную традицию как таковую. Не исключено, что именно эта концепция, действовавшая в течение многих веков, привела к тому, что в стране не существовало противостояния элитарной культуры народной. Одни и те же идеи, одни и те же истины воспринимались и использовались самыми различными слоями индийского общества в форме, соответствующей сознанию и образованности этих слоев. Богатая устная традиция играла при этом важнейшую роль.

Народ ознакомился с философскими истинами через эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», через мифологию Пуран и заклипания Вед, через устные рассказы о жизни Будды. Однако ни жрецы в храмах, ни деревенские сказители не смогли бы сами сформировать упомянутое Дж. Неру философское мировоззрение целого народа. Этим занимались другие. Я имею в виду древний институт духовного наставничества, сохранившийся в Индии до наших дней. Санскритское слово «гуру» (духовный учитель) со временем получило такое же распространение на планете, как и русское «спутник».

Гуру были разные: последователи ортодоксальных систем, самобытные философы, просто чуткие и мудрые люди. Но все они, несмотря на различия, творили духовную традицию, не давали ей умереть и бережно передавали из поколения в поколение. Гуру как бы замыкали на себе бесконечную цепь культурной преемственности. Несмотря на различия в методах и идеях, они несли в себе непреходящие черты индийского философского мировоззрения. В течение веков духовная традиция Индии вырабатывала в человеке одно из важнейших качеств – молитвенное отношение к Красоте в ее глубинном, философском смысле.

Осмысливая суть духовной традиции, Дж. Неру писал: «...мы очень древний народ, и мы слышим шепот столетий, отошедших в незапамятное прошлое. Однако мы знаем, как обрести молодость вновь, хотя воспоминания и мечты этих минувших веков остаются с нами. На протяжении всех этих долгих столетий некая-нибудь тайная доктрина или сокровенные знания поддерживали жизнеспособность Индии, а величайшая гуманность, разнообразная и исполненная терпимости культура и глубокое понимание жизни и ее таинственных путей»¹⁰. Без восприятия этого «шепота столетий» не существовала бы ни такая культура Индии, ни ее стержень – духовная традиция.

Именно «шепот столетий» побуждал индийца поклоняться не только Красоте, но и Мудрости и Знанию. Народ Индии, в отличие от народов многих других стран, обожествил создателей философских систем, мудрецов и учителей. Если в Древней Греции поклонялись богам и героям, то в Индии – богам и мудрецам, а потом уже героям. Мудрецы – создатели и творцы духовной традиции Индии – были ее особым явлением. Мудрецы первого поколения согласно мифологической традиции – не только культурные герои, просвещавшие народ и обучавшие различным ремеслам, они были связаны с Космосом. Созвездие Большой Медведицы в Индии называют Сантариши – Семь Мудрецов. От эти Семьи Мудрецов пошли и остальные, каждый из которых оставил свой след не только в мифологии Индии, но и в ее истории. Родословная их насчитывает века и дошла до XX столетия. В любой другой стране существование подобных мудрецов в наше время подверглось бы яваному сомнению или просто отрицанию. В любой стране, но не в Индии, где слышен «шепот столетий». Среди исторических мудрецов Индии были «чистые» философы, религиозные реформаторы, политические деятели. Будда и Махавера, Нагарджуна и Нагасена, Шанкара и Рамануджа, Рамакришна и Вивекананда, Аурбиндо Гхош и Махатма Ганди, такие разные по своим идеям и деятельности, были едины в гуманистическом устремлении осмыслить культурно-историческую эволюцию человечества, помочь человеку стать более совершенным и осознать свое место в этой эволюции.

Одних мудрецов мы знаем, другие остаются для нас анонимными, плотно сокрытыми цветным занавесом мифа. Но есть среди них и те, для которых анонимность является не мифом, а реальностью. В течение веков целые группы мудрецов и Учителей оставались как бы за экраном истории. Они достигали высоких ступеней на лестнице духовного совершенствования. Некоторые из них, появляясь в миру, нередко занимали высокое социальное положение, но оставляли как бы в тени свою связь с институтом мудрецов. Можно, например, вспомнить об императоре Ашоке из династии Маурьев или об императоре Акбаре из династии Великих Моголов. В обоих случаях Власть, соединившаяся с Мудростью, давала плодотворные исторические результаты.

Великими Мудрецами называли Махаришами или Махатмами – Великими Душами. Николая Константиновича Рериха тоже называли Махариши. На памятном камне на месте его кремации в гималайской долине Кулу высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магар 2004 года Викрам эри, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом Рам». Этим завершился индийский период жизни Николая Константиновича. Он открыл новые пути в науке, в искусстве, он открыл их и в Индии.

Именно в такую Индию Рерих и стремился, сначала интуитивно, а затем вполне сознательно, когда на его пути встал Учитель, реальный Космический Иерарх, и метод свидетельства стал завершающим в его метаисторическом процессе. Пройдя через сложнейшие трудности, он, вместе с семьей – женой Еленой Ивановной и сыновьями Юрием и

Святославом, в декабре 1923 года прибыл в Индию. Позади он оставил революцию, свои скандинавские выставки, короткую жизнь в Лондоне, активную культурную деятельность в США, где в том же 1923 году был создан музей его имени. После посещения культурных и исторических достопримечательностей Индии Рерихи отправились в Дарджилинг, откуда в 1924 году стартовала планетарная Центрально-Азиатская экспедиция, начавшаяся в соседнем с Индией королевстве Сикким. Там же, в Дарджилинге, произошло событие, которое определило всю жизнь и творчество Николая Константиновича.

Начало этого события описано Рерихом в завуалированной форме. «Мы четверо после полудня ехали на моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеядах. В носилках сидел лама с черными длинными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто. Портшез порывался с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует»¹¹.

Теперь многое в жизни Рериха проявилось. «Лама» был духовным Учителем Рерихов, который спешил на встречу с ними, состоявшуюся в небольшом придорожном храме, напротив монастыря Гум. Именно тогда Учитель, имевший непосредственное отношение к космической эволюции и метаисторическому процессу, поставил перед Рерихами задачу, которая должна была обрести форму Центрально-Азиатской экспедиции. С момента выхода этой экспедиции на намеченный маршрут последний стал пространством творчества космической эволюции на планете Земля. Именно здесь закладывался метаисторический процесс, обуславливающий на длительное время земной исторический процесс. Метаистория заключалась не только в информации, идущей из космической материи высокого состояния, но и в действиях Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих, которые формировали сам метаисторический процесс. Сама же Центрально-Азиатская экспедиция послужила в XX веке примером взаимодействия космической эволюции со своими вестниками на Земле. После энергетического импульса, который космическая эволюция дала Духовной революции в России, импульс, данный через Центрально-Азиатскую экспедицию, закрепил дальнейший метаисторический процесс и реализовал необходимое творчество, направленное к формированию нового витка космической эволюции планеты Земля, нового сознания, нового космического мышления.

На маршруте Центрально-Азиатской экспедиции Рерихи – и Николай Константинович, и Елена Ивановна – творили энергетическое поле Нового Мира в тех странах, где для этого существовали нужные условия, которые и определили маршрут самой экспедиции. Это творчество шло в самом тесном взаимодействии с творчеством Космического Иерарха. Сам Учитель был блестящим историком, формировавшим в течение долгого времени истории человечества его исторический процесс в неразрывной связи с метаисторическим процессом.

Ограниченный объем этой работы не дает возможности остановиться на таком сюжете. Три метаисторических полотна, написанных Николаем Константиновичем еще в дореволюционной России, обрели полную реальность на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. «Сокровище ангелов» превратилось в осколок метеорита, заключавший в себе тончайшую и высокоэнергетическую космическую энергетику. Им снабдил Рерихов сам Учитель. «Книга Голубиная» оказалась аллегорией философии Космической реальности, и, наконец, «Владыки нездешние» явились теми Космическими Иерархами, которые много веков содействовали развитию эволюции человечества.

Караван шел по сужденному маршруту, и перед участниками экспедиции разворачивалась грандиозная и богатая картина культур в их времени и пространстве. У Рериха от этого зрелища захватывало дух, его интуиция работала точно и своевременно. Запись в экспедиционном дневнике Рериха о двух потоках жизни в Азии находила в этой картине полное подтверждение. Вместе с тем она углублялась, обрастала новыми подробностями, и ранее не объяснимое становилось ясным. Маршрут экспедиции был составлен удивительно точно и исторически плодотворно. Его история неслы в себе также два потока – метаисторию, формирование которой было связано с высшей космической материей, и земную историю. Но в странах, по которым шел Караван, оба потока не только не были резко разделены, а взаимодействовали друг с другом. Это взаимодействие раскрывало перед Рерихом – историком и художником – богатейшую и уникальную перспективу для исследований. Через земную историю он выходил на космическую эволюцию, о которой говорил Учитель в своей Живой Этике, через метаисторию постигал земное творчество этой эволюции.

Исторические переселения народов теперь захватывали своей масштабностью и многообразием. Он как бы видел и ощущал их движение через горы и пустыни. Традиционное объяснение историками причин этого движения, заключающееся якобы в поисках лучших земель, становилось смешным и необъяснимым. В этих передвижениях заключалась иная, неземная сила, и сила эта была причиной этих движений. Метаистория свидетельствовала о Космосе. Именно космический ритм и космическая энергетика в силу каких-то тайных стремлений сдвигали с места эти народные массы. Все размышления и исследования Рериха упирались в космическую эволюцию и ее законы, открытые ему и Елене Ивановне их духовным Учителем. Знание и знание – вот что неслы космическая эволюция на Землю и отдавала их, через метаисторический процесс, людям.

Следуя энергетическому мировоззрению, так точно и ясно объясненному Учителем, Николай Константинович вник в великую историческую суть человеческого мира, охватывающего евразийские просторы с самой глубокой древности. Это был мир динамичной активности, мир интенсивного энергообмена, создающего новую энергетику для дальнейшего развития историко-культурного пространства. Контакты кочевых народов с земледельческими цивилизациями, не всегда мирные, вливали в них новую энергетику и возрождали для дальнейшего развития. Идя по следам кочевых империй и культур на маршруте экспедиции, Рерих как бы ощущал эту энергетику, которая до сих пор еще действовала на путях евразийских кочевников. Огромный мир, древний и современный, по которому двигался Караван, звучал каким-то прошлым единством и цельностью. Он нес в себе сочетания самые неожиданные. В Тибете Рерихи открыли мегалитические памятники, которые существовали и в древней Европе. В тибетских нагорьях открывались украшения «звериного стиля» евразийских кочевников. И Рерих искал в этом огромном мире, древнем и современном, не различия, но общность в культуре, которая со временем преодолевает разрозненность и вражду. Он чувствовал, что единство принадлежит метаистории, а разрозненность шла из земного исторического процесса и замедляла ход космической эволюции.

Прошлое, настоящее и будущее — зная триада Времени, которую не знают миры более высокого состояния материи, не знает ее и метаистория. Но с помощью такого времени можно правильно оценивать земную историю — что в ней нужно для дальнейшего развития, а что можно забыть. Подходя к исследованию исторического процесса, Рерих разделил все в нем существующее и происходящее на непреходящее, долговерное, и преходящее, быстро исчезающее. Метаистория в основном состояла из непреходящих элементов, земная история имела немало преходящего. И Рерих в этом огромном историческом пространстве, по которому шла экспедиция, искал непреходящие элементы. Они содержались в древних священных книгах, духовных учениях, космогонических мифах, легендах о мудрецах и культурных героях, творчестве красоты и многом другом, что проходит через века, не увядает и служит опорой будущему.

Мысль «без прошлого нет будущего» была концептуальной для Рериха с самого раннего периода его творчества. И он, опираясь на метаисторический процесс, искал в прошлом то, что могло бы послужить опорой будущему. Он посещал храмы индуистские, буддийские и добуддийские. Те и другие в значительной мере напоминали музеи, где экспонировались знания в различных их формах. При храмах и монастырях были уникальные библиотеки, и древние рукописи лежали рядом с алтарями. Помощь в этой работе Юрия Николаевича была бесценной для Рериха. В своих экспедиционных дневниках Николай Константинович отметил немало непреходящего в историческом процессе, которое будет необходимым для будущего. Он называл это непреходящее «прекрасными камнями» будущего. Подобные исследования входили в задачу самой экспедиции, поскольку были непосредственно связаны с космической эволюцией человечества. Здесь, на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, он создавал новую «Державу Рериха». Ту «Державу», которая не только наполнит его жизнь, но и окажет значительное влияние на космическую эволюцию земного человечества.

Рерих не только исследовал метаисторический процесс, он творил его. И Елена Ивановна, его жена и друг, стояла рядом с ним в этом творчестве. На маршруте Центрально-Азиатской экспедиции было произведено важнейшее метаисторическое действие, которое явилось причиной земного исторического процесса и было непосредственно связано с творчеством космической эволюции. В этом действии был заключен энергетический импульс, направленный Высшим низшему, согласно космическому закону: Вышнее в эволюции ведет низшее. Действие это называлось закладкой магнитов и являлось главной целью Центрально-Азиатской экспедиции. Сама закладка магнитов была одним из важных проявлений творчества космической эволюции на Земле. В течение истории человечества подобная закладка проводилась не однажды в разное время и в разном пространстве. Магнит этот, согласно Живой Этике, преобразил идею пространства в действие и был одним из начал творения метаисторического процесса. Идея пространства о необходимости новой ступени космической эволюции на Земле, Новой эпохи и Нового человека должна была получить свою энергетику и импульс для дальнейшего развития. Слово «магнит» вызывает у нас привычное представление, которое не соответствует слову, употребляемому в философии Космической реальности. Под этим определением имеется в виду пространственная энергетическая структура. Такую структуру нельзя привести с собой в караванном багаже или собственном кармане, а потом куда-то заложить. Такая структура есть результат энергетического творчества тех (или того), кто (или что) несут в себе так называемое веление космоса, или миссию творчества космической эволюции.

Что же соответствовало в самой Центрально-Азиатской экспедиции такому обстоятельству? Прежде всего, это был «камень», или осколок метеорита, энергетический след которого Николай Константинович проследил в мифологии, легендах и поверьях. Такого рода материал мы находим в экспедиционных дневниках Рериха и его живописи. Но уникальная энергетика этого метеорита должна была сочетаться с иной энергетикой, чтобы получалась пространственная магнитная структура. Если мы соотнесем кое-какие даты творчества Елены Ивановны и Николая Константиновича с датами Центрально-Азиатской экспедиции, то не сразу осознаем случившееся и, скорее, удивимся, почему, например, «огненный опыт» Елены Ивановны, проходивший под контролем Космических Иерархов, начался в 1924 году на маршруте экспедиции. И почему Николай Константинович создал на этом же маршруте не только зарисовки, но и значительное количество сюжетных и объемных полотен. Ведь условия маршрута, по которому шел Караван, очень мало способствовали такому творчеству. Трудности на местах, неблагоприятные климатические условия затрудняли подобного рода работу. Но, несмотря на такие обстоятельства, и Елена Ивановна, и Николай Константинович упорно выполняли то, что как бы затрудняло, и в немалой степени, их пребывание на экспедиционном маршруте. Ответ может прийти, если мы поймем, что творчество и Елены Ивановны, и Николая Константиновича было энергетическим. Нет сомнения, что такая их деятельность была связана с формированием энергетики закладываемого магнита. Нам известно, что именно в 1924 году Учитель начал очень сложный и трудный процесс изменения энергетики Елены Ивановны и преобразования ее в более тонкую и высокочастотную. Этот процесс Елена Ивановна назвала «огненный опыт». На маршруте были открыты ее огненные центры, связанные с материей много, более высокого состояния. Подробности этого творчества можно узнать в книге Елены Ивановны «У порога Нового Мира».

Что касается Николая Константиновича, то он написал на маршруте экспедиции в самых трудных условиях три самые знаменательные свои серии картин: «Его страна», посвященную Учителю, «Знамена Востока», где он воспроизвел личности, формировавшие на Земле метаисторический процесс, и, наконец, «Майтрейя» — картины о веках, по которым идет будущее. К этим трем сериям можно добавить следующие полотна: «Приказ Ригден Джапо», «Легенда о Шамбале», «Хранитель входов», «Сосуд нераспелсканный». Эти картины были созданы Рерихом в 1924—1927 годах. Размеры статьи не позволяют описать их, можно только сказать, что они посвящены духовным путям человечества и их водителям. У вместе с тем следует указать и на особенность, присущую этим полотнам, — значительная их часть сделана метаисторическим методом видений, что, в свою очередь, не только отличает их от картин, написанных с натуры или по домыслу, но и значительно повышает их тонкую энергетику.

Таким образом, при закладке магнита Рерихи использовали три источника энергии: метеорит, огненные центры Елены Ивановны и высокочастотные картины Николая Константиновича, созданные метаисторическим методом. Все три источника были связаны с творчеством космической эволюции. Возникает вопрос: в каких же местах маршрута были заложены магниты?

Точного ответа на этот вопрос пока нет, но есть предположения, некоторые из них имеют свои подтверждения. Полагаю, что закладка магнитов, которая связана непосредственно с метаисторическим процессом, шла по всему маршруту Центрально-Азиатской экспедиции. Если мы внимательно прочитаем в экспедиционных дневниках Н.К. Рериха, то сможем почувствовать в них определенное отношение автора к тому или другому пространству, к той или другой стране. Это отношение его долго проявлялось у Рериха и

после экспедиции. По всей видимости, первая закладка произошла в Индии — стране, к которой Рерихи относились особо, цена ее многовековую историю, сохранившую богатую духовную культуру, в которой очень четко проявился метаисторический процесс, не отвергнутый ни культурной элитой страны, ни ее народом, как это случилось в других государствах. Искренняя привязанность Рериха и научно, и творчески, и художественно к Гималаям, особенно к их индийской части, свидетельствует о многом.

Вторым местом закладки магнитов могла быть Москва. Несколько моментов явно свидетельствуют об этом. Именно в Москве была оставлена серия картин «Майтрейя», созданная Рерихом на маршруте экспедиции. Картины также были непосредственно энергетически связаны с процессом закладки магнитов. В специальной шкатулке была привезена земля со священного места. И, наконец, книга-предупреждение «Община», которая составляла одну из важных частей Живой Этики, в которой Учитель высказал свои пророческие мысли насчет России. Эта книга являлась одним из интереснейших метаисторических источников.

Через всю историю человечества проходит сверхающая цепь предупреждений, связанных с высшей космической материей и несущих в себе таинственную красоту творчества космической эволюции. 1926 год, время посещения Рерихами Москвы, был переломным годом, в котором перед страной стоял выбор дальнейшего пути. Энергетика метаистории должна была помочь выбрать правильный путь. Но свободная воля руководителей страны решила эту проблему по-своему. Все привезенное Рерихами практически не было принято. Картины оказались в темных углах государственных складов, были спасены от забвения А.М. Горьким и оказались в Нижнем Новгороде, ларец с землей исчез, «Община» не была опубликована. Но энергетика, связанная с метаисторическим процессом закладки магнита, исчезнуть не могла. Она продолжала действовать и время от времени проявляла себя в бедственных и тяжелых моменты истории нашей страны.

О том, что Москва стала особым местом после посещения ее Рерихами, косвенно свидетельствуют еще некоторые обстоятельства. В 1957 году в Россию вернулся старший сын Рерихов — Юрий Николаевич. Будучи крупным востоковедом и занимающимся активно научной работой в одном из академических институтов, Юрий Николаевич поставил проблему создания музея Н.К. Рериха в Москве. Ранняя смерть прервала эту его деятельность. Его младший брат Святослав Николаевич, передавший в Россию наследие своих родителей, также считал необходимым создать музей Н.К. Рериха именно в Москве. Он не однажды при этом говорил, что музей должен быть в Москве и только в Москве, хотя долгие годы был связан с Петербургом. С Москвой его связывал лишь маршрут экспедиции. Такая настойчивость братьев в отношении места создания рериховского музея заставляет серьезно задуматься.

Когда, наконец, в 1989 году в Москве был создан Советский Фонд Рерихов, главной целью которого являлась организация музея Н.К. Рериха, Святослав Николаевич в связи с этим событием приехал в Москву. Ему предложили на выбор несколько зданий для будущего музея. Из всего осмотренного он выбрал усадьбу Лопухиных. Первая фраза, которую произнес Святослав Николаевич, когда мы с ним вошли в захлапанный двор усадьбы: «Какая здесь чистая энергетика». Он вошел в главное здание усадьбы, где в это время обитал траст Минтяжмаша, а, выходя из двора, сказал: «Это то, что нам надо». Я привела здесь, казалось бы, незначительный факт, но известно, что каждое явление, факт или событие имеют не только внешнюю, но и внутреннюю сторону. Определить внутреннюю сторону факта — значит вскрыть его истинную суть.

После Москвы был Алтай, и Николай Константинович дал высокую оценку будущему этого края. Можно не сомневаться, что магнит был заложен и там, и, скорее всего, в Уймонской долине. Монголия была второй страной, где Рерих оставил свою картину. Она называлась «Великий Всадник» и явно была связана с заповедной страной, где находились ашрамы Учителей — Космических Иерархов. Вслед за Монголией был Тибет, где экспедиция претерпела много бед и трудностей, а положение региона в культурном отношении оставляло желать лучшего. Критикуя современную ситуацию в Тибете, Рерих писал немало о его будущем возрождении. Николай Константинович всегда подкреплял свои мнения практическими действиями, возможно, что такие действия были проведены и в Тибете.

Рерих прослеживал на маршруте Каравана следы творчества метаистории в мифах, преданиях и сказаниях. В них все чаще, по мере продвижения экспедиции, появлялось слово «Шамбала», означающее заповедную страну мудрецов и праведной жизни. За всем этим стояла реальность, связанная и с надземными мирами, и с событиями, происходившими на самом маршруте. Он отразил все это в своих картинах, в которых как бы отсутствовало время, а пространство таинственно растворялось в горных даях и снегах. В этих загадочных полотнах смешались предания и Высокая реальность. Границы между ними были неразличимы.

«С тех пор, — писал Рерих, — мы много где видели сказочную правду. В Средней Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридцатые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много выдавший путник. С караваном он когда-то пересекал Гоби и Цайдам и двинулся самому безлесному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванчики предупреждали: «Дальше не ходи!» Разве не о тридцатом, заповедном царстве они предупреждали?»¹². И далее: «Правда наиреальнейшая в том, чтообы без лукавых выдумок напоминать и цветом и звуком о существующем»¹³. Вот эти удивительно точные слова — «и цветом и звуком» — свидетельствуют о том, сколь многосторонне и глубоко исследовал Николай Константинович уникальное пространство «помимо историков».

Сведенные воедино, эти исследования давали необычную картину чьих-то действий, от которой зависела судьба экспедиции. Казалось, что рядом с экспедиционным маршрутом проходила какая-то тайная тропа, на которой и совершались эти действия. На ней возникали странные, неизвестные люди, включая и того — в золотистой кафтане, предупредившего Рерихов о грядущем нападении на экспедицию. Они сообщали загадочные вести, совершали неожиданные поступки. Среди них были ламы, сказители и просто встречные путники. На каждом этапе маршрута, в каждой стране или области происходило нечто, что потом требовало и расшифровки, и осмысления. Записи в дневниках содержат немало подобных фактов, и если свести их воедино, то получится уникальная картина внутренней истории, или метаистории, самой Центрально-Азиатской экспедиции, так не похожей на историю внешнюю. Вот несколько примеров, которые можно почерпнуть из экспедиционных дневников Рериха.

Из письма секретарю Рериха В.А. Шибяеву (Кашмир): «Забота совершенно необыкновенная. Даже лошади для похода указаны (здесь очень трудно найти хороших и цельных). Уже дан дом в Лехе (вернее, Ле)»¹⁴. «Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину, и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучащая горные. Сколько зовов и знаний создано одною звездой. Небесные вехи настораживают и соединяют серд-

ца. Те же звезды. Те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространств и времен»¹⁵. Кашгар-Куча: «Сегодня приняты важные решения, есть сообщение»¹⁶. Монголия, Урга: «Много смитания и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е.И. напряженно стоит у притоки и говорит: «Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает». А тут и телеграммы!»¹⁷ Монголия: «Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя сорок лет тому назад <...> Двадцатого июля получили указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе. На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверхайте эти числа с вашими событиями <...> Конец июля. «Иду радостно в бой». Lapis Exillis — блуждающий камень. Вчера бурята пророчествовали что-то сумрачно. Именно: «Посылаю лучшие токи для счастливого решения дел». Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважнимся пересечь Цайдам по новому пути. К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. (В. Кардашевский. — Л.Ш.) с мечом и кольцом»¹⁸. И уже в Тибете: «...экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать лишь чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие»¹⁹.

Прочитанные записи относятся к очень важному моменту в истории Центрально-Азиатской экспедиции. Они напоминают о тех, с кем произошла памятная встреча около Дарджилинга в 1923 году. «Вы, может быть, спросите меня, — отвечал Рерих, — почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия за недостатком осведомления оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высокопочтительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности»²⁰.

Связь подлинных Великих Душ с Заповедной страной не оставляла у Рериха никаких сомнений. И опять запись в экспедиционном дневнике: «Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатм. Здесь была основанная ими школа. В двух днях пути от Саг-дзонга был один из Ашрамов, недалеко от Брамалпурты. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчали о них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и повзятий. Всегда жданные, неожиданно Махатмы вихорили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они проявлялись. Если нужно, они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишат на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве — не узнаете даже простого химического опыта. Раз, кто в бездельном наговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вышло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению. Но отчего Беме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Маха тм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется незнающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает Махатм <...> Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превращают жизнь в праздник. Все предлагаемое ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверий и предрассудков. Разве ученики Махатм делают из извергам, сектантам? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд»²¹.

И запись из другого экспедиционного дневника: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, — вы знаете о Махатмах»²².

Заповедная страна, по утверждению Николая Константиновича, имела точное географическое положение. «Некоторые указания, — отмечал он, — затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памире, в Туркестане и Гоби». Все эти места назывались потому, что около Шамбалы люди живут в юртах и занимаются скотоводством. «...Но не забудем, — продолжал Рерих, — что горные киргизы в местностях Куньлуня также живут в юртах и занимаются скотоводством»²³.

Куньлунь упоминался Рерихом не однажды в связи с теми ориентирами, которые имели отношение к Заповедной стране. Этот же хребет фигурировал и в рассказах алтайских староверов о хождениях в поисках Беловодья. Этот путь, географически расшифрованный Рерихом, был частью маршрута Центрально-Азиатской экспедиции.

«...Географические указания места, — читаем мы в дневнике Николая Константиновича «Сердце Азии», — умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»²⁴. Но Гималаи — огромный горный район, похожий на лабиринт. И Николай Константинович расставлял по нему свои особые ориентиры, которые также совпадали с маршрутом экспедиции.

Никогда еще в XX веке, да и ранее, ученый-историк не давал такой глубокой реальной картины творчества метаисторического процесса, который был отражен на страницах Живой Этики, и необходимость его в синтезе с земным историческим процессом была доказана авторами этой философии Космической реальности. Николай Константинович сыграл важнейшую роль в мысли XX века, приняв самое активное участие в творчестве метаисторического процесса, доказав тем самым важнейшую его роль в земном историческом процессе. Метаистория, творимая «помимо историков»,

требовала восстановления своих прав, а ее сотворец доказал, что исследование земного исторического процесса без учета его метаисторической, духовной части, не только нарушает космический закон о том, что в каждом земном явлении есть две стороны — внутренняя и внешняя, духовная и материальная, надземная и земная, — но и делает такое усеченное исследование не научной, а иллюзией. То историческое творчество, которое проводилось Николаем Константиновичем и Еленой Ивановой на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции под водительством их духовного Учителя, Космического Иерарха, ложилось в новое космическое мышление, в новую систему познания непреходящей их основой.

Космическая эволюция через эту экспедицию и своих земных вестников творила новый этап человеческого сознания, новый, более высокий виток самой космической эволюции. Те огромные трудности, которые оказались на пути Каравана, имели свою основу. Все новое, что приходит в наш трехмерный мир плотной материи, встречает сопротивление старого, Свет противостоит тьме, Космос борется с хаосом. И английская разведка, и тулость и невежество китайских властей, и трусливая недоброжелательность советских чиновников — все это пенцы одного гнезда тьмы. Эта тьма действовала не только на самом маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, но сопровождала творчество Н.К. и Е.И. Рерих нападки, клеветы и непреодолимой завистью. Харбинские фашисты, монархисты-эмигранты, фанатичные церковники и многие другие стояли на пути этого нового. Новое космическое мышление, которое несли Рерихи, должно было преодолевать темные завалы, создававшиеся невежеством и низким сознанием некоторых недостойных представителей человеческого рода.

XX век с его переломными моментами кончился. Наступил XXI век, свидетелями которого мы являемся. Мы видели, как распался Советский Союз, как потеряла ценность его идеология. Многие изменились. Но борьба старого с новым по-прежнему осталась. Традиционная наука и церковь стали постоянными союзниками в этой борьбе. В новой России Рерих по-прежнему остается целью для нападков. По-прежнему не понимается у нас философия Космической реальности. И если прежде такие деятели были только частью нашего общественного мнения, то теперь им присваиваются высокие ученые степени докторов наук. Не могу не упомянуть при этом нравственно не обремененных так называемых ученых, таких как В.А. оссов, Н.Е. Самохина, С. Аблеев и др.

Росову за диссертацию о Центрально-Азиатской экспедиции была присвоена докторская степень. Никогда еще «исследования» этой экспедиции так грубо и невежественно не искажали ее облик и задачи. Николай Константинович Рерих здесь выглядит не крупнейшим культурным деятелем, выдающимся мыслителем и великим художником, а жалким политическим авантюристом, готовящим вооруженное нападение на Тибет, стремящимся создать в Центральной Азии независимое государство, куда выйдут советская Сибирь, выступавшим против СССР на стороне Японии накануне Второй мировой войны, и т. д. и т. п.

Елене Ивановне Рерих, которая была творческим сотрудником Учителя в создании Живой Этики, досталось от Н.Е. Самохной. Философия Космической реальности, с ее точки зрения, оказалась заурядным эзотерическим произведением. Пренебрежительно отодвинув в сторону работы по Рериху, сделанные российскими учеными и культурологами, Самохина объявила себя первой исследователем философии наследия Рерихов. Раньше тьма рядилась в белые одежды. Теперь она ридится в высокие ученые степени, которые этим ученым даруют такие же темные, с академическими званиями, люди. Можно лишь возмутиться их изворотливостью и ловкостью, тем, как они ставят на пути нового космического мышления «остепененные» препятствия. Россия была первой в формировании нового мышления. Теперь она оказалась первой в присуждении докторских степеней за работы, порочащие наших великих соотечественников.

Метаисторическим творчеством Рерихов можно назвать еще два уникальных действия: Пакт Рериха о защите культурных и исторических ценностей во время вооруженного конфликта и Институтом Гималайских исследований, созданный ими в Индии, в гималайской долине Куньлуня, где были заложены основы новой науки — синтеза метанауки и науки эмпирической. То и другое действия были важнейшими явлениями космической эволюции человечества.

С прискорбием можно отметить, что ни Пакт Рериха, ни законсервированный Институтом Гималайских исследований не получили должного и достойного продолжения. Все остается в ожидании будущего. Но необходимо помнить, что вечного будущего не бывает. Оно, проходя через настоящее, быстро превращается в прошлое. И от нас всех зависит, успеем мы реализовать это будущее или нет. Сможем ли мы, поймав ритм космической эволюции, подчиняясь ее импульсам, войти в ту истинно Новую эпоху, о которой так много было сказано Учителями и их учениками Рерихами, возвестившими новый виток в эволюции земного человечества.

Журнал «Культура и время», №4, 2008 г., С. 28-55

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. М., 1914. С. 14, 24.

² Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 15—17.

³ Золотое руно. 1907. № 4. С. 5.

⁴ Бурлюк Д. Рерих. Нью-Йорк, б/д. С. 24.

⁵ Перезвоны. Рига, 1926. № 13(5). С. 362.

⁶ Держава Рериха. М.: МЦР, 2004. С. 38—40.

⁷ Неру Д. Открытие Индии. М., 1955. С. 72.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Цит. по: Неру Д. Открытие Индии. С. 90.

¹⁰ Неру Д. Открытие Индии. С. 156.

¹¹ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 158—159.

¹² Рерих Н.К. Зажгите сердца. С. 191.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Рерих Н.К. Письмо В.А. Шибяеву от 27.07.25 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 1. (Вр.) № 2531. Л. 10 об.

¹⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 1995. С. 203.

¹⁶ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 169.

¹⁷ Там же. С. 249.

¹⁸ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. С. 254.

¹⁹ Рерих Николай. Листы дневника. В 3 т. Т. 3. М., 2002. С. 92.

²⁰ Рерих Николай. Сердце Азии. Southbury (Conn.): Alatas, 1929. С. 90.

²¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. С. 317—318.

²² Рерих Н. Сердце Азии. Southbury (Conn.): Alatas, 1929. С. 122.

²³ Рерих Н. Сердце Азии. С. 129.

²⁴ Там же. С. 110.

Примечание редакции газеты «Содружество»:

1. Книга «Община» впервые была опубликована на русском языке в 1927 году в Урге. В 2004 году Международный Центр Рерихов переиздал книгу «Община» (Урга, 1927) при сохранении стилистических особенностей и смысловых оттенков оригинала.
2. Список картин серии «Майтрейя», переданных Н.К. Рерихом в дар СССР в 1926 году, составленный и написанный рукой Николая Константиновича, хранится в Музее имени Н.К. Рериха в Москве.
3. Сокращенный текст послания Махатм в Россию впервые был опубликован в журнале «Международная жизнь» в 1965 году.